

— Барышня, вы сегодня еще будете выходить? — Чуй-чуй принесла свежеприготовленные кунжутные и арахисовые пирожные, вошла в восточную флигелю и, говоря это, поставила сладости на столик у кушетки.

Сидевшая за письменным столом и погруженная в раздумья Шэнь Яогуан услышала голос Чуй-чуй и пришла в себя. Она поднялась, подошла к столику, взяла одно арахисовое пирожное и, жуя, произнесла:

— Больше не пойду. К тому же старшая сестрица только что вернулась, боюсь, у госпожи снова найдутся какие-нибудь дела.

Проглотив кусочек, она непринужденно прислонилась к кушетке и вздохнула:

— Мастер Чжань владеет кулинарным искусством, которому позавидуют даже придворные повара.

Услышав это, Чуй-чуй прикрыла рот рукой и хихикнула:

— Барышня, вы опять говорите глупости. Когда вам доводилось пробовать стряпню императорских поваров?

— Это метафора, метафора... — Шэнь Яогуан покачала головой, протянула палец и легко ткнула Чуй-чуй в лоб.

Чуй-чуй откинулась назад, прикрыла лоб рукой и комично завывала:

— Ай-яй...

— Хм! Притворяешься... — Шэнь Яогуан бросила на нее пренебрежительный взгляд, затем положила под голову мягкую подушку, закрыла глаза и велела: — Чуй-чуй, я хочу немного вздремнуть, разбудишь меня к обеду!

— Слушаюсь, — ответила Чуй-чуй, набросила на Шэнь Яогуан лежавшее рядом тонкое одеяло, подбросила еще немного углей в жаровню у окна и на цыпочках вышла из кабинета, направляясь на кухню.

— Мастер Чжань, я помогу вам, — войдя на кухню и увидев Чжань, которая перебирала овощи, Чуй-чуй притащила маленькую скамеечку, села рядом и принялась тоже обрывать шпинат.

Чжань подняла на нее взгляд и мягко спросила:

— А барышня где?

— Спит. Наверное, прошлую ночь плохо спала, я заметила у нее под глазами легкие тени, — ответила Чуй-чуй, продолжая работать, а затем с улыбкой добавила: — Только что барышня попробовала ваше арахисовое печенье и сказала, что оно куда вкуснее, чем у придворных поваров.

Услышав это, уголки губ Чжань невольно поползли вверх, она прищурилась и с улыбкой произнесла:

— Главное, чтобы барышне нравилось.

Однако при звуках слов придворные повара на душе у нее стало немного тоскливо: они тоже принадлежали к клану великого князя, но в их поместье Аньго-гуна уже больше десяти лет никто не бывал при дворе.

Младшее поколение ничего не знало, но она-то все пережила лично: то давнее дело двадцатилетней давности навело немало шума, о нем все предпочитали молчать в тряпочку. Тогдашний защитник государства, старый князь Го, чтобы доказать свою невиновность, разможил себе голову о каменные плиты тронного зала, и только так удалось спасти княжеский род.

А нынешний князь Го когда-то был соучеником самого императора. Из-за этой связи он по идее должен был вернуть себелюю власть и влияние, но неизвестно почему — все больше отстранялся от мирских дел.

От былого величия поместья князя Го осталась лишь пустая оболочка.

Вдоволь выспавшись и вновь открыв глаза, Шэнь Яогуан почувствовала себя необыкновенно бодрой. Как раз в этот момент Чуй-чуй на цыпочках вошла, чтобы позвать ее к обеду.

Лениво потянувшись, она встала и вместе с Чуй-чуй направилась в западный флигель. Увидев, что стол ломится от ее любимых блюд, она тут же пробудила в себе зверский аппетит. Сглотнув слюну, она обняла Чжань и ласково защебетала:

— Мастер Чжань, как же я вас люблю...

Чжань уже привыкла к ее внезапным приступам нежности, но каждый раз от столь прямолинейных слов ей все равно становилось немного неловко, хотя на сердце разливалось тепло. Хотя лицо ее сохраняло легкую строгость, она смягчила голос и поддразнила девушку:

— Уж больно у нашей барышни язычок подвешен, только и умеет, что всех ублажать. Интересно, какого же мужа она потом сможет завлечь своими речами?

Услышав это, Шэнь Яогуан покрутила круглыми, как абрикосовые косточки, глазами и тут же с озорной улыбкой ответила:

— Хе-хе, мастер Чжань, а хотите, я очарую парочку кандидатов, чтобы вы оценили их... И выберете мне одного в мужья!

Чжань от такого смелого заявления растерялась — ни смеяться, ни плакать не знала как. Она легко щелкнула девушку по лбу и шутливо отчитала:

— Ах ты девчонка, совсем стыд потеряла! Если эти слова разойдутся вокруг, люди только посмеются над тем, до чего же дерзкая барышня растет в нашем поместье Го-гуна.

Шэнь Яогуан, ни капли не смутившись, заявила:

— Ну и пусть себе дерзкая! Я вовсе не собираюсь выходить замуж. Вот заработаю много-много денег и заведу себе парочку красавцев...

Однако договорить она не успела — Чжань поспешно зажала ей рот ладонью:

— Ой-ой... Моя дорогая госпожа, такое вслух произносить нельзя.

Шэнь Яогуан широко распахнула невинные глаза и кивнула. Когда Чжань убрала руку, девушка показала язык, с хихиканьем уселась за стол, взяла палочки, подцепила кусочек курицы и с наслаждением откусила. Жевая и глотая на ходу, она пробормотала:

— Мастер Чжань, эта ваша курица на пару с вином просто объедение.

Продолжая жевать куриное мясо, Шэнь Яогуан показала Чжань большой палец и лукаво подмигнула, заставив ту снова рассмеяться.

Видя, с каким аппетитом та уплетает еду, Чжань с полным удовлетворением сказала:

— Раз барышне нравится, в следующий раз снова приготовлю.

— И вы тоже поешьте, — Шэнь Яогуан положила кусочек курицы в пиалу Чжань, лучезарно улыбаясь. Затем она отправила еще один кусочек в пиалу Чуй-чуй. Хозяйка и служанки сидели за одним столом, и атмосфера была необыкновенно теплой и уютной.

*

В полдень, около двух часов дня, У-ши, полная надежд и ожидания, в сопровождении пяти прислужниц из своего двора и с изысканными корзинками для еды направилась к Циньи-юань, но у парадных ворот с аркой ее путь преградили.

Мо-ин стояла у входа с бесстрастным выражением лица. Слегка поклонившись, она холодным взглядом посмотрела на У-ши и произнесла:

— Госпожа, барышня сейчас обедает. Поскольку барышня любит тишину, прошу вас вернуться.

Шиго Цэнь, стоявшая рядом, тут же возмущенно завопила:

— Совсем распоясались! Какая-то служанка смеет проявлять неуважение к госпоже. Между прочим, госпожа — мать барышни, с какой стати ей запрещают входить во двор?

Мо-ин осталась непоколебимой и все так же невозмутимо загораживала проход.

— Оставьте... — У-ши махнула рукой. Впрочем, такого исхода она и ожидала. Кто поймет ребенка лучше собственной матери? Раньше та избегала ее даже в даосской обители, так что и по возвращении в поместье ничего бы не изменилось. Подавив горечь в сердце, она шагнула вперед и мягко спросила: — Есть ли что-то, что Юй-эр особенно любит из еды? Я велела приготовить еще кое-каких сладостей, если что-то придется ей по вкусу, я могу прислать людей.

Мо-ин с непроницаемым выражением лица снова поклонилась и холодно ответила:

— Этому служанке неизвестно...

Услышав это, У-ши уже не могла скрыть разочарование в глазах. Тихо вздохнув, она повернулась и бросила:

— Пойдем назад.

Цэнь Ши бросила взгляд на чуть согнутую усталую спину У-ши, и сердце ее сжалось от обиды, но ей оставалось лишь молча следовать следом.

Внутри двора Шэнь Яюй в серебряной маске сидела за обеденным столом. Ее точеные пальцы спокойно подцепили из пиалы ломтик рыбы, сваренной в пресной воде, и отправили в рот. Хань-син тут же подхватила палочками немного пресной вареной листовой горчицы и положила ей в миску.

Шуан-хуа стояла у резной перегородки из пурпурного сандала с каменным лицом, изо всех сил стараясь подавить внутреннее отвращение. Про себя она думала: просто поразительно, как хозяйка может с абсолютно невозмутимым видом есть эти блюда, напрочь лишенные вкуса, цвета и аромата. От одной только рыбы на таком расстоянии несло сыростью.

Она подняла глаза, намереваясь украдкой взглянуть на хозяйку, но в этот самый момент встретилась с ней взглядом. Темные, бездонные глубины чужих глаз заставили ее сердце испуганно замереть — до чего же острая у той чуткость! Девушка тут же потупила взор и замерла, боясь вздохнуть.

Сделав еще пару глотков, Шэнь Яюй отложила палочки, прополоскала рот водой из поданной Хань-син чашки, поднялась и неторопливо зашагала прочь. Проходя мимо Шуан-хуа, она остановилась и холодно бросила:

— Наказываю тебе доесть все остальное.

Леденящий душу голос, казалось, донесся из самого глубокого адского провала, заставив Шуан-си резко вскинуть голову. С лицом, побелевшим от ужаса и с застывшим в глазах шоком, она смотрела на удаляющуюся спину хозяйки.

Хань-син сочувственно глянула на Шуан-хуа и поспешно семенила следом за госпожой. Сметь витать в облаках в присутствии хозяйки — такое наказание можно было считать еще легким.

<http://bllate.org/book/21409/2184847>